

М а й я Д и м е р и ц

ДЕВОЧКА ИЗ РИМА

Он, и правда, выглядел очень подозрительно. Непонятно, как могло случиться, что все зашло настолько далеко.

Он любил прохаживаться по Приморскому бульвару в своем белом парусиновом костюме. Хотя белым этот костюм можно было назвать лишь потому, что именно такого цвета была его ткань, когда попала к портному. Просторные штаны. Пиджак надет прямо на майку. На шее золотая цепочка, спускавшаяся к седой волосатой груди. На ногах старые коричневые сандалии, надетые поверх застиранных зеленых носков. Костюм, как и полагается, был тщательно измят. Уже серый и местами засаленный. Особенно возле правого кармана пиджака, откуда его хозяин частенько доставал большой носовой платок. Он снимал толстые очки, сдвигал на затылок бывшую когда-то белой шляпу (кажется, ее мяли вместе с костюмом) и вытирал мясистое лицо с крупным носом и широкою шею. Ведь всем известно, что летом в Одессе очень потно даже в тени каштанов аллеи Приморского бульвара. Вот он и потел. Обычно он выбирал лавочку посередине между памятниками Дюку де Ришелье и А. С. Пушкину, располагался на ней и, слегка приоткрыв свой потертый кожаный портфель рыжего цвета, запускал туда пухлую руку. И тогда на его лице появлялась блаженная улыбка. Казалось, что там, в портфеле, он перебирает пальцами драгоценные камни и золотые дукаты. Ну, или гладит пушистого котенка.

Однако настоящей целью его отдыха на лавочке Приморского бульвара было совсем не это. Вот так, держа одну руку в портфеле и блаженно улыбаясь, он начинал неспешно поглядывать по сторонам. И когда ему везло, он видел девочку, которая несла в руке футляр со скрипкой. Он вообще высматривал именно девочек.

— Ты учишься в школе Столярского? — мурлыкающим голосом спрашивал он проходящую мимо девочку и приветливо улыбался.

И та произносила свое первое «да».

— А что ты сегодня играла? — звучал второй вопрос.

И девочка чистосердечно признавалась, был ли у них урок сольфеджио, или они разучивали этюды, и как вообще прошли занятия.

Тогда он задавал свой третий вопрос:

— Хочешь посмотреть, что у меня в портфеле?

Какая же девочка, особенно если она играет на скрипке, откажется заглянуть в портфель к странному незнакомцу? Да еще и с такой соблазнительно загадочной улыбкой. И она произносила свое второе «да» и доверчиво улыбалась ему в ответ.

Тогда он — совершенно счастливый — широко распахивал свой потертый портфель и вместе с ней заглядывал внутрь. Он был готов расплакаться от переполнявших его чувств гордости и восторга. Улыбка на лице девочки постепенно сменялась выражением недоумения. Но он, не глядя на девочку, доставал из портфеля такую пухлую, круглую, аккуратную, черную-черную, хоть и заезженную местами, блестящую, с синей этикеткой, свою любимую пластинку, которую надо было слушать на 78 оборотов, меняя в головке звукоснимателя иголку на более толстую. На обеих сторонах пластинки был записан голос Робертино Лоретти. Если поставить пластинку на проигрыватель, то с одной стороны иголка, покачивая бедрами, заскользит по дорожке, рассказывая историю «Черазеллы». На другой стороне была записана песня «Девочка из Рима».

— Девочка, ты хочешь увидеть Рим? — спрашивал он своим низким и приятным, почти гипнотическим голосом. — Если тебе повезет, ты увидишь фонтан, который звучит как самая прекрасная музыка в мире!

Девочка, уже начинавшая подозревать неладное, все же невольно соглашалась. И тогда он протягивал ей пластинку и предлагал заглянуть в отверстие в самом центре.

— Для того, чтобы увидеть Рим, надо, чтобы пластинка была повернута Черазеллой к тебе. Ведь Рим находится с другой стороны.

Девочка заглядывала в отверстие и видела сквозь него Приморский бульвар, лавочки, каштаны, через листву которых на всё вокруг падали солнечные блики, кусочек моря, переходящего в небо... и прохожих — они улыбались, глядя на нее. Девочка, как громом пораженная, моментально осознала, до чего глупо выглядит, и ее осеняла догадка, что дяденька просто с приветом. Тогда она быстро возвращала пластинку и, поблагодарив странного незнакомца, убежала домой, даже не попрощавшись.

А он, как ни в чем не бывало, с беззаботным видом продолжал сидеть на лавочке, высматривая следующую девочку. В том году этот трюк он проделывал с девочками из школы Столярского почти все лето.

Иногда обманутые девочки даже обзывали его дураком. Но он как будто не слышал их слов. Снова и снова приходил на Приморский бульвар, садился на свою любимую лавочку и ждал очередную девочку, которая училась играть на скрипке.

Все это конечно не более чем слухи, но все же говорили, что некоторым девочкам удавалось увидеть Рим. Они визжали от восторга и вприпрыжку бежали домой, как безумные, размахивая футляром со скрипкой. Они спешили рассказать родителям о фонтане, который звучит, как самая прекрасная музыка в мире. И тогда происходило одно из трех. Родители или посмеивались над рассказом дочки, считая его полной выдумкой, или читали длинную лекцию о том, что ни в коем случае нельзя заговаривать с незнакомцами на улице. Но бывали и такие родители, кто, услышав эту историю, приходили на Приморский бульвар. Они тоже хотели увидеть Рим. Незнакомец протягивал им «Девочку из Рима», и, если они тоже видели, он предлагал им кое-что еще. Дело в том, что в рыжем портфеле были и другие пластинки. На пластинках этих было написано: Вена, Париж, Берлин, Нью-Йорк, Тель-Авив... Но на этих пластинках не было дорожек. Говорят, что в эти пластинки тогда заглянули несколько семей. И все эти семьи бесследно исчезли. И когда семья исчезала, на пластинке появлялась дорожка.

Итак, в Одессе начали исчезать целые семьи. Следователи из отдела по особо запутанным делам сбились с ног, пытаясь найти хоть какую-то зацепку в этом загадочном явлении. Но никаких хоть сколько-нибудь внятных версий происходящего они так и не смогли предложить своему руководству, которых уже трясло, как грушу, столичное начальство.

Конец таинственным исчезновениям положила ревность и гражданская совесть жены владельца пластинок. Вернее, сообщения равнодушных соседей, которые, не сговариваясь, один за другим поведали ей о том, что видели, как ее благоверный сидит на бульваре и пристает к девочкам с глупостями. И ладно бы еще к девицам постарше, а то ведь совсем к малолеткам... Сначала жена отказывалась верить, а потом решила убедиться сама. Выследив мужа, она спряталась, чтобы оставаться незамеченной, и наблюдала за ним. Он заговаривал только с девочками. Пять девочек — и все в смущении убежали прочь. Слезы

застилали ей глаза. Как стыдно перед людьми. Как понапрасну прошла ее жизнь. Своих детей у них не было, и теперь она понимала почему. Жалость к себе и ненависть к мужу вложила в ее руку химический карандаш, наклюнила грифель и написала заявление в районное отделение милиции о том, что такой-то и такой-то проявляет нездоровый интерес к несовершеннолетним девочкам.

Вокруг такого-то и такого-то развернулась слежка. Девочки, заглядывавшие в пластинку, были допрошены, и выяснилось, что все они учатся в школе Столярского. Больше того, каждая учится на скрипичном отделении. Этот же факт связывал и все пропавшие семьи. Следователи сложили два и два достаточно быстро.

Однажды к сидевшему на скамейке и блаженно улыбающемуся человеку в мятом и засаленном парусиновом костюме подошла девочка с футляром от скрипки в руках и бойко сказала:

— Я хочу увидеть Рим.

Он снял очки, достал из кармана большой носовой платок, протер линзы и снова нацепил очки на свой мясистый нос. Футляр в руках девочки не вызвал никакого интереса у человека в парусиновом костюме. Тень от листьев каштанов вперемежку с солнечными бликами оплела его фигуру так, что на какое-то мгновение девочка подумала, будто этот человек ей только кажется.

— Рим очень далеко отсюда, девочка. Вряд ли ты его когда-нибудь увидишь,— ответил он и сдвинул шляпу на затылок.

— Я знаю! Вы показываете Рим! Я тоже хочу на него посмотреть! — не унималась девочка. — Если вы не покажете мне Рим, я закричу!

— Я не показываю Рим. Я только даю возможность его увидеть. Видишь ли, только очень одаренные люди могут увидеть Рим тем способом, который я предлагаю. И здесь не может быть никаких гарантий.

— Покажите мне Рим! — требовала девочка.

Человек в парусиновом костюме тяжело вздохнул и достал из портфеля свою любимую пластинку.

— Смотри в дырочку посередине пластинки. Если тебе повезет, ты увидишь фонтан, который звучит как самая прекрасная музыка в мире! — грустно прошептал он. — Для того, чтобы увидеть Рим, надо, чтобы пластинка была повернута Черазеллой к тебе. Ведь Рим находится с другой стороны.

Девочка заглянула в отверстие в центре пластинки и закричала. Она кричала и кричала, пока ей на помощь не подоспела милиция.

Подроспела она подозрительно быстро. Заявления девочки о том, что такой-то и такой-то приставал к ней, оказалось достаточно для немедленного ареста. Свидетелей «не пойми чего» тоже оказалось в избытке.

И началось это длинное громкое уголовное дело, о котором до сих пор помнят почти в каждой одесской семье. Еще бы! Город гудел. В каждом одесском дворе, в каждом подъезде двух-, трех-, четырех- и даже пятиэтажного дома Одессы и, разумеется, на каждой лестничной клетке соседи громко и в лицах, отчаянно жестикулируя и со всеми подробностями, как будто они видели все это сами, рассказывали друг другу, что же и как именно произошло на самом деле.

Подозреваемый не отпирался. Он во всем признался следователям, а в качестве доказательства показывал пластинки, объясняя, что для того, чтобы увидеть Рим, надо, чтобы пластинка была повернута Черазеллой к смотрящему. Ведь Рим находится с другой стороны. Если вам повезет, вы увидите фонтан, который звучит, как самая прекрасная музыка в мире! И еще он добавлял, что только очень одаренные люди могут так увидеть Рим.

— Сам я, — говорил обвиняемый, — таким человеком не являюсь.

К огромному сожалению, сотрудники оперативно-следственной группы, судьи, представители обвинения и защиты такими людьми тоже не оказались.

Трупы найдены не были, пластинки ничего не доказывали, но факт оставался фактом. Пластинки были, а люди бесследно исчезли. Однако самым загадочным обстоятельством этого дела было то, что летом в школе Столярского каникулы, поэтому там никто не занимается. К тому же, где школа, а где Приморский бульвар...

В конце концов, обвиняемого признали невменяемым, и свою жизнь он окончил в психиатрической лечебнице на Слободке. Он был спокойным и доброжелательным пациентом. Ни к кому не приставал, регулярно принимал лекарства, улыбался сам себе и тихонько мурлыкал под нос «Девочку из Рима».

Ночами, когда шел дождь, снег или просто небо было затянуто тучами, он спал крепким безмятежным сном. Но если в окно его палаты в безоблачную ночь заглядывала полная луна, он не спал. Он смотрел на луну, улыбаясь блаженной улыбкой, потому что она напоминала ему его любимую пластинку. И однажды он разглядел маленькое отверстие прямо в центре луны. Ему даже удалось заглянуть внутрь,

и он увидел фонтан на площади Рима и услышал самую прекрасную музыку в мире!

Наутро в отделении было объявлено о ЧП. Один из пациентов бесследно исчез. Его так и не нашли.

Прошло еще несколько лет, и Одессу накрыла волна новостей о том, что на самых знаменитых мировых сценах блистают талантами молодые скрипачки, появившиеся словно ниоткуда. Их талант был настолько ярок, что в одесских корнях сомневаться не приходилось.

А пластинки до сих пор хранятся в Главном архиве Управления МВД Одессы и области в качестве вещественных доказательств к делу № 39/17–54-з «О бесследном исчезновении семей в г. Одессе». Само дело было утеряно, когда материалы архива перевозили из старого помещения в новое, поэтому имя человека в парусиновом костюме сегодня уже никто не вспомнит.

А пластинки... Это прекрасные пластинки, замечательные пластинки. Заезженные. Проторенные. Но дело в том, что без человека в парусиновом костюме они совершенно бесполезны.

